

территорию Семиречья. Материалы, изученные Ретциусом, были опубликованы в 1918 г. и почему-то в сводку рецензируемой книги не вошли.

Четвертая глава о расовых типах населения СССР в средние века говорит уже непосредственно и о типах предков современных народов, и здесь антропологические материалы хорошо сочетаются с другими историческими источниками при изучении последних этапов расогеографа современного населения. В этой главе Г. Ф. Дебец подробно разбирает материалы, освещающие этногенез тюрков, славян и финнов. Автор отмечает, что палеоантропологические материалы для разрешения этногенеза тюрков еще недостаточны. Поэтому он только отмечает проникновение расового монголоидного типа с гуннами на запад до Венгрии и показывает имеющиеся уже материалы, говорящие об автохтонном происхождении волжских болгар. Тип древних восточных славян, как и финнов, произошел из протоевропейского, является долихо- и мезокранным, довольно однороден и мало отличается по типу от древних финнов. Это подтверждает концепцию автохтонного развития тех и других на местной базе и опровергает всякие миграционистские и колонизаторские концепции в истории происхождения славян и финнов.

Вся книга Г. Ф. Дебеца пропитана историзмом, показывая изменения расовых типов во времени. Разбору этого положения автор уделяет и большую заключительную главу, в которой показывается направление изменчивости *Homo Sapiens*, которая сводится к брахикефализации, т. е. к округлению черепной коробки, и к грацилизации. Последнее выражается меньшей покатостью лба, более слабым надбровьем, уменьшением ширины и выступа скул и т. п. Нет сомнения, что это стоит в связи с социальным развитием человека, с повышением его культуры, благодаря чему он все более активно относится к природе. Механизма эпохальных изменений расовых типов автор, однако, не вскрывает.

Автор убедительно показывает возможность использования антропологических материалов как одного из исторических источников, особенно для ранних стадий и для решения проблем этногенеза.

Книга снабжена большим количеством таблиц и контурных изображений (обводов) черепов. К каждой главе приводится литературный указатель, который впервые дает исчерпывающую сводку всей русской палеоантропологической литературы, и в этом отношении книга является незаменимым справочником. Как подчеркивает и сам автор, далеко не все области и республики нашего Союза одинаково хорошо изучены. Планомерное изучение некоторых республик, особенно в Средней Азии, только сейчас по существу начинается. Отсюда вытекает и неодинаковое количество антропологических материалов из разных мест и эпох. Это неизбежно привело к тому, что изложение некоторых отделов отрывочно и фрагментарно. Наиболее слабо представлена палеоантропология Средней Азии. Здесь отмечена ценнейшая находка человека мустьерского времени из Тешик-Таша, показывающая, что ареал развития *Homo priniensis* значительно шире, чем он представляется рядом буржуазных ученых. Мальчик из Тешик-Таша подтверждает концепцию неандертальской стадии развития человечества. Более поздние материалы из Средней Азии начали систематически разрабатываться лишь непосредственно перед войной, почти еще не опубликованы и в сводку (которая была закончена к началу войны) не могли попасть. Было бы очень желательно в дополнение к имеющимся обводам черепов дать хотя бы некоторое количество наиболее характерных из них в фотографиях.

Нам представляется не очень удачным показ относительных вариаций признаков по отношению к максимуму и минимуму межгрупповых вариаций в виде полигонов, заключенных в круг. При этом глаза как-то невольно обращают внимание не на отрезки радиусов, по которым откладывается эта относительная величина, а на линии периферии полигона, соединяющие точки радиусов. Было бы нагляднее изображать это в виде утолщения отрезков радиусов или проще на прямой линии столбиками. Концы последних условно могут быть соединены линиями, и такие кривые гораздо легче сравниваемы друг с другом, чем полигоны в круге.

Книга представляет собой торжество русской, правильнее сказать, советской науки. Историческая наука в нашем Союзе быстро развивается, раскопки идут все планомернее, и обширнее, и можно не сомневаться, что при переиздании книги, потребность в чем возникнет уже через несколько лет, она будет уже значительно пополнена текущими новыми материалами, которые сейчас усиленно разрабатываются как самим автором рецензируемой работы так и рядом других советских антропологов.

В. В. Гинзбург

*Шорский фольклор.* Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. Институт этнографии Академии Наук СССР, Фольклорная комиссия, Издательство Акад. Наук СССР, М.—Л., 1940, XXXIV + 448.

До выхода в свет рецензируемой книги шорский фольклор был известен по довольно случайным записям В. Радлова, произведенным им в 1861 г. прошлого столе-

тия во время маршрутной поездки по Северному Алтаю. Тексты записей шорского фольклора В. Радлов опубликовал без перевода и комментария<sup>1</sup>. Несколько раньше Радлова обширные записи шорского фольклора сделали миссионеры — сотрудники Алтайской духовной миссии<sup>2</sup>. Их материалы в небольших отрывках вошли в известную «Граматику алтайского языка», изданную в Казани. В значительном количестве они были опубликованы В. Вербицким<sup>3</sup> на русском языке, без шорского текста, в местных сибирских газетах и журналах. Это все, что было известно нам до революции о шорском фольклоре, если не считать еще кратких отдельных записей, содержащихся в студенческом отчете С. Е. Малова<sup>4</sup>.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение и публикации шорского фольклора были впервые поставлены на научную основу. При этом позволительно заметить, что осуществлялось это пока силами этнографов, хорошим примером чего и является рецензируемая работа<sup>5</sup>. Правда, она подготовлена к печати при помощи таких крупных авторитетов в области фольклора и тюркской филологии, как А. М. Горький и член-корр. АН СССР С. Е. Малов, упомянутых в предисловии автора, что не могло не отразиться самым положительным образом на качестве книги.

«Шорский фольклор» дан в хорошем, точном русском переводе, с параллельной публикацией шорского текста. К сожалению, шорский текст дан автором записей не в русской академической транскрипции, основанной на русском алфавите, на которой в течение многих десятков лет публиковались научно подготовленные фольклорные тексты тюркоязычных племен и народов и которая, удовлетворяя специалистов, позволяла легко пользоваться тюркским текстом рядовому читателю. Записи шорского фольклора даны в этой книге в тяжелой латинской фонетической транскрипции, усложняющей латинский алфавит еще многочисленными фонетическими знаками и дополнительными литерами. Следует сказать, что шорский текст в этой книге недоступен не только самим шорцам, которые вместе с другими многочисленными народами Сибири уже давно отказались даже от облегченной латинской основы для своего алфавита и перешли на русскую, но и русскому интеллигентному читателю. Шорский текст, занимающий почти половину книги, доступен только узкому кругу специалистов.

Книга снабжена введением и примечаниями к каждому тексту, приложенными в конце. Как в введении, так и в примечаниях широко использована существующая этнографическая и историческая литература о шорцах, на которой автор нередко основывает свои замечания. Несмотря на то, что автор не пожелал упомянуть некоторые хорошо ему известные работы<sup>6</sup>, материалом которых он, кстати говоря, неоднократно пользуется, примечания к «Шорскому фольклору» довольно полно отражают успехи этнографического изучения шорцев, достигнутые советскими исследователями, включая и собственные наблюдения автора.

Основное содержание книги составляет публикация текстов (оригинал и перевод) шорского фольклора, представленных здесь следующими видами: 1) Песни о Ленине и Сталине; 2) Героические поэмы; 3) Сказки; 4) Рассказы и легенды; 5) Поговорки; 6) Загадки; 7) Песни. Большую часть опубликованного фольклора занимают тексты шести героических поэм (стр. 8—235) и рассказов и легенд (стр. 252—347). Во введении дается перечень основных видов шорского фольклора с их краткой характеристикой. Специально рассматриваются и характеризуются в отдельности рассказы и легенды и героические поэмы шорцев.

Исключительная ценность опубликованных текстов шорского фольклора как по форме, так и по содержанию не подлежит сомнению. Они представляют прекрасный источник для различных исследований в области истории, этнографии, фольклора, языка. Начало этим исследованиям положил автор записей и публикаций,

<sup>1</sup> «Образцы литературы тюркских племен...», ч. I, СПб., 1866, стр. 310—398.

<sup>2</sup> Личное сообщение б. миссионера у шорцев Т. Каньшина, ныне умершего.

<sup>3</sup> «Алтайские инородцы», 1893.— Здесь дан указатель произведений фольклора, печатавшихся Вербицким с 1869 г. в Томских губернских ведомостях и других изданиях.

<sup>4</sup> «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», 1909, № 9.

<sup>5</sup> См. также мою работу, переведенную на немецкий язык К. Менгесом, которому принадлежит и грамматические и лексические замечания, приложенные к работе: «Materialien zur Volkskunde der Türkvolker des Altai». Раздел II. Volkskundliche Texte. Šorkiži, стр. 73—79. Опубликована в «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», Jahrgang XXXVII, Ostasiatische Studien. — См. на нее рецензию С. Малова в «Биография Востока», вып. 10. М.—Л., стр. 165—168.

<sup>6</sup> Совершенно не упомянуты работы: «Разложение родового строя у племен Северного Алтая», ч. I. Материальное производство. Издание Гос. Акад. истории материальной культуры им. Марра, М.—Л., 1935, и «Очерки по истории Шории», Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1936, а также ряд более ранних специальных статей.

который предпринял удачную попытку анализа содержания шорского фольклора с целью выяснения характера хозяйственной и бытовой среды, породившей эти произведения устного творчества шорцев. Автору вполне удалось доказать в его введении, что шорский фольклор в основном «отражает охотничий промысел — основную хозяйственную деятельность шорцев», и, добавив, не только охотничий промысел как таковой, но и сопутствующие ему у шорцев с глубокой древности подсобное собирательство корней и стеблей диких съедобных растений и своеобразное таежное рыболовство. Фольклор, представленный главным образом сказками, охотничьими рассказами и легендами, прекрасно отражает характерные еще для совсем недавнего прошлого шорцев (XIX в.) первобытно-общинные социальные отношения и ранние формы религиозных представлений, выросших и сложившихся в среде пеших охотников-звероловов. Вполне естественно поэтому, что большое место в шорском фольклоре отводится зверям и птицам, населяющим горную тайгу Кузнецкого Алатау.

Так же убедительно показывает автор в этом виде фольклора противопоставление таежной пешей охоты шорцев, как исконного и любимого занятия, степному скотоводству соседних районов Алтая и Абаканских степей. Он справедливо подчеркивает в этом виде фольклора отражение противоречивых чувств, которые реально испытывали шорцы — пешие звероловы по отношению к их соседям кочевникам-скотоводам. Чувства эти действительно противоречивы: иногда они выражают удивление и зависть к более привольной жизни кочевников скотоводов, а порой только презрение к быту и пище скотоводов. Например, в одном тексте говорится: «Молоком ребенка не души. Молоко для таежного человека разве лища?». Мне кажется, столь противоречивые чувства возникли хронологически разновременно. Более древними из них нужно считать недружелюбное, презрительное отношение пеших звероловов Саяно-Алтайского нагорья, обитателей горной тайги, к кочевникам скотоводам. Эти чувства отражали как исконность звероловческого быта у обитателей тайги, так и то, что кочевники на протяжении многих столетий систематически грабили и облагали данью лесные племена. Свидетельство тому мы имеем хотя бы у Рашид-аддина, который, описывая быт «лесных уряхитов» Саяно-Алтайского нагорья как бы таежных звероловов, отмечал: «они выказывают даже величайшее презрение к пастушеским народам. Так, самой страшной угрозой, которую отец или мать могут обратить к своей дочери, является угроза, что они ее выдадут за человека, который заставит ее пасти баранов; говорят, что девушки тогда вешались с отчаяния»<sup>7</sup>. Следовательно, проявления бытового антагонизма между таежными обитателями-звероловами (типа шорцев) и кочевниками-скотоводами — явление довольно древнее. Вполне естественны отсюда шорские рассказы и легенды, выражающие испуг, удивление при проникновении в тайгу различных видов домашнего скота. Персонажи упомянутого вида фольклора приходят в испуг и удивление при виде лошади, копыта которой так не похожи на раздвоенное копыто хорошо знакомых им лося, оленя, марала и кажутся каменными. При виде быка они думают, уже не из мира ли злых существ появились эти странные животные, столь непохожие на диких лесных зверей. Отсюда понятно в таких рассказах и легендах то сопротивление, которое оказывают духи или «хозяева» гор проникновению в тайгу скотоводства. Вместе с этим мирные и систематические культурно-хозяйственные связи, установившиеся у шорцев с их кочевыми соседями в течение двух последних столетий, когда они находились в составе русского государства, также нашли отражение в том виде фольклора, о котором у нас идет речь. Преимущество скотоводческого образа жизни стало ясным постепенно и для самих шорцев, которые к тому же начали понемногу держать домашний скот даже в крайне неблагоприятных для этого условиях горной тайги. Вот почему у них в фольклоре зазвучали нотки симпатии и зависти к материальному быту скотоводов.

У автора показан и другой вид шорского фольклора — героические поэмы, в которых, напротив, ярко отражен кочевой скотоводческий быт, совершенно противоречащий и чуждый быту исконных звероловов, пеших обитателей горной тайги, какими являются шорцы. Более того, автор отмечает в отношении записанных у шорцев героических поэм «поразительное сходство, доходящее иногда почти до полного тождества с героическим эпосом других алтайских и енисейских тюрков» (Введение, стр. XXVII), с чем также нельзя не согласиться. Но, к сожалению, Н. П. Дыренкова не дает удовлетворительного объяснения как факту существования у шорцев героического эпоса, характерного для скотоводов-кочевников, так и его тесной связи с эпосом скотоводов алтайцев и хакасов. Более того, автор даже не ставит вопроса о том, каким образом появился подобный героический эпос у шорцев, возник ли он у них самостоятельно в процессе развития устного народного творчества или был позаимствован от их кочевых, но также тюркоязычных соседей. Между тем этот вопрос не может быть оставлен без ответа, ибо бытование героического эпоса у шорцев, насыщенного отражением настоящего кочевого образа жизни, наряду с бытованием типичного охотничьего фольклора, более архаичного по форме и содержанию и более широко распространенного, нуждается в объяснении. Если преоблада-

<sup>7</sup> См. Введение: О турецких и монгольских племенах. Сборник летописей. История Монголов. Сочинение Рашид-Аддина. Труды Восточного Отдела Русского Археологического общества, 1858 г. (перевод).

ние охотничьего фольклора вполне разъясняется из того, что шорцы являются истинными пешими звероловами, что само этнографическое своеобразие шорцев сложилось именно на базе этой древнейшей формы культуры, характерной для Северной Азии<sup>8</sup>, то наличие у них героического эпоса, отражающего кочевой скотоводческий образ жизни, неизбежно приводит к вопросу: как это могло случиться? Не потому ли, что часть шорцев, преимущественно северная, знакома отчасти с скотоводством? Нам представляется целесообразным остановиться на этом вопросе и, прежде всего, опровергнуть такое предположение. Дело в том, что скотоводство у шорцев появилось совсем недавно (XVIII в.) и носило особый характер. Оно резко отличалось от кочевого и полукочевого скотоводства их соседей алтайцев и хакасов. Вместо скотоводства, типичного для кочевников не только, по способу содержания скота, но с развитым молочным хозяйством, с обилием и разнообразием молочных продуктов, мы находим у шорцев скотоводство оседлое, стойловое, скотоводство русского крестьянского типа, только меньшее по размерам и гораздо примитивнее по технике. Называя скот общетюркскими терминами, что указывает на проникновение к ним домашнего скота через соседних тюрков-скотоводов, шорцы ведут скотоводческое хозяйство иначе, чем их кочевые соседи. Они не доят кобылиц. Не выделяют молочных продуктов, типичных для тюркских или монгольских кочевников, не имеют и названий этих продуктов. Кумыс, чегень или айран, равно как и различные виды кислого и пресного сыра, молочную водку, шорцы не изготавливают. Они охотнее разводят лошадей, чем молочный скот, которых ценят как средство передвижения летом и осенью<sup>9</sup>. Первоначально лошадь ценилась здесь как мясной запас. Еще в XVII—XVIII вв. южные алтайцы, например, пригоняли к шорцам лошадей для обмена, главным образом, на железные изделия. Следовательно, такое скотоводство не могло породить той обстановки быта и хозяйства, которая характерна для героического эпоса, записанного у шорцев.

В героическом эпосе шорцев скотоводство чисто кочевое. Владельцы скота, обычно ханы, наделенные вполне реальными историческими чертами, коцуют со своими многочисленными стадами, производят вооруженные набеги с целью отгона скота. Герои и другие персонажи шорских былин живут и действуют не в узких темных долинах Горной Шории, заросших тайгой, а на широких просторах горных степей, у подножья гор. Охота для них является не основным средством существования, а подсобным занятием или даже развлечением. Персонажи шорских героических былин если и охотятся, то на охоту едут верхом, что совершенно чуждо и не известно традиционной охотничьей технике шорцев, которые седлать-то лошадей не умеют так, как это делают настоящие кочевники, да и седел таких не имеют.

Быт действующих лиц шорских героических былин — это быт кочевников-скотоводов. В качестве пищи, кроме конины, то и дело упоминаются такие типичные для тюрко-монгольского кочевого мира молочные продукты, как кумыс, айран, чегень, сыр и т. п. Фигурирует и «лестрая чаша» для питья, известная по монгольскому эпосу<sup>10</sup>. В качестве одежды упоминаются длиннополые тяжелые шубы, крытые шелком, совершенно непригодные для пешего шорского быта. Герои, как это обычно в тюркском и монгольском героическом эпосе кочевников, именуются по масти лошади, на которой они ездят, например, «Ай-Калыш, ездящий на светлосером коне» и т. п. Развлечением здесь служат шумные пиры, с конскими бегами, с борьбой, столь характерными для кочевников.

Если обратиться к общественным отношениям, отраженным в шорском героическом эпосе, они также резко отличны от первобытно-общинных отношений, характерных для шорского охотничьего фольклора. Здесь в героических былинах отражены классовые отношения кочевников; в основе их лежит частная собственность кочевых феодалов на скот, на земельные территории, эксплуатация трудовых слоев народа и полная зависимость последних от феодалов-эксплуататоров. При этом нужно подчеркнуть, что классовые феодальные отношения, отраженные в шорском героическом эпосе, носят реальные исторические черты и относятся к кочевому обществу, находящемуся под властью монгольских, точнее западномонгольских, феодалов-ханов, и, следовательно, датируются ойратским временем (XV—XVIII вв.). Об этом свидетельствует прежде всего социальная терминология шорского эпоса. Если герой былин — богатырь, представитель и защитник интересов трудового народа — носит нередко имя «перген» (монг. мерген: ловкий, меткий стрелок) и дается в благородном облике, то его противник и враг именуется «ханом» и рисуется чертами эксплуататора народа, заставляющего народ нести «албан» или «алман», т. е. тяжелую феодальную повинность, известную нам по монгольским источникам. Такие социальные термины шорского эпоса, как титулы: «кан», «тайши», «зайсан»<sup>11</sup>,

<sup>8</sup> См. «Очерки по истории Шории», стр. 19—68.

<sup>9</sup> В условиях глубокоснежной зимы и бездорожья у шорцев лошадь зимой не использовалась.

<sup>10</sup> Владимирцов, Монголо-ойротский героический эпос, 1923, стр. 14.

<sup>11</sup> Титулы «тайши», «зайсан» усвоены монголами из Китая, как это показал Б. Я. Владимирцов (Общественный строй монголов, стр. 138). На Алтай и в Шорию эти термины попали через западных монголов.

или «албан» (феод. повинность), «тюбен-тюмен» (т. е. тьма или десять тысяч), а равно некоторые термины из области монгольской культуры, как «пичик» — грамота, или из области культа — «пуркан», «кан-кереде» (образ буддийской птицы Гаруда), являются по происхождению монгольскими, что почему-то не привлекло внимания Н. П. Дыренковой. Из этого легко можно заключить, что героический эпос шорцев монгольского происхождения и заимствован ими от монголов. Однако такое заключение было бы ошибочным хотя бы уже потому, что шорцы и монголы говорят на совершенно различных языках, и разумеется, ни те ни другие не занимались переводом монгольских героических поэм на шорский язык.

Вместе с этим известно, что шорцы долгое время, по крайней мере в XVII и XVIII вв., находились под политическим господством западных монголов или ойратов. Но и это обстоятельство также не в состоянии объяснить наличие монгольских элементов в шорском эпосе. Ойратское господство выражалось не в длительной совместной жизни шорцев с монголами, а лишь в систематических наездах к шорцам западномонгольских чиновников для сбора дани (албан).

Итак, столь ясные монгольские элементы в шорском героическом эпосе не только не проливают свет на происхождение этого эпоса, но сами нуждаются в правильном объяснении их наличия в шорских героических поэмах.

Специальное исследование вопроса о шорском героическом эпосе привело нас к другим результатам. Они вкратце сводятся к следующему. Шорский героический эпос, как представленный в записях Н. П. Дыренковой, так и в записях (еще не опубликованных) других собирателей, принесен к шорцам телеутами, проникшими к ним с севера (с XVII в.) и перемешивавшимися с ними. Телеуты представляли собой весьма многочисленное тюркоязычное племя. Будучи типичными кочевниками-скотоводами, они в период владычества в Южной и Западной Сибири ойратов или западных монголов кочевали по Иртышу, в Кулундинских и Барабинских степях, по Оби и ее некоторым притокам (Алей, Чарыш, Чулым, Иня и др.) почти до г. Томска. Во второй половине XVII в. значительная часть их заняла степь и лесостепь к северу от Кузнецка, где вскоре стала переходить на оседлость, что отмечено известными историческими источниками. Тогда же небольшая часть их, продвигнувшаяся с Иртыша через Алей и Чарыш, попала в верховья Оби и даже на Бию, где смешалась с обитавшими там сеоками (родами), ныне называющими себя кумандинцами<sup>12</sup>. Однако основная масса телеутов, прикочевавших в Кузнецкую степь, оказалась в бассейне реки Бочата. Река Бочат, образующаяся от слияния Большого, или Степного, и Малого, или Черневого, Бочатов, берущих начало из Салаирского кряжа, впадает в р. Иню (правый приток Оби). Этот обширный лесостепной район довольно скоро был освоен телеутами на юг, вплоть до отрогов Кузнецкого Алатау. Часть телеутов, в том числе и тех, которые носили название ач-киштымы, еще в конце XVII в. продвинулась по долине Томи до г. Кузнецка, а в XVIII в. и выше его, до р. Мрассы. В указанное время и происходило смешение телеутов, оседавших в районе Кузнецка, с шорцами. Переходя к земледелию и даже охоте на пушного зверя вследствие усадки кочевого скотоводства, телеуты довольно интенсивно смешивались с шорцами и проникали частично даже в верховья Мрассы и Кондомы.

Участие телеутов в этногенезе шорцев и объясняет нам происхождение шорского героического эпоса. Вливаясь в этнический состав шорцев, и усиливая его, телеуты внесли к ним струю героического эпоса, которая, как правило, вошла в быт северных шорцев. Влияние телеутов и смешение их с шорцами происходило на севере, т. е. в предгорьях Шории по р. Томи до нижней Мрассы, в низовьях Кондомы. Вот почему героический эпос у шорцев распространен именно на севере и крайне редко встречается у южных шорцев, куда телеутский этнический элемент проникал в весьма слабой степени.

Это обстоятельство сказалось и на записях Н. Дыренковой. Из шести ею записанных и опубликованных героических поэм пять записаны в низовьях Мрассы и Кондомы и только одна в верховьях р. Кондомы.

Телеуты, обитающие компактно до сего времени в бассейне Бочата, обладают хорошо развитым героическим эпосом, отражающим быт кочевников-скотоводов. Многие произведения этого эпоса устная традиция телеутов сохранила до нашего времени. Их героический эпос, как и эпос современных южных алтайцев, не только несет в себе явные монгольские элементы, подобные тем, на которые мы обратили внимание выше, но он вообще близко родствен западномонгольскому героическому эпосу. Это произошло прежде всего потому, что в этническом составе телеутов, как и южных алтайцев, присутствует монгольский компонент. Монголы неоднократно принимали активное участие в этногенезе южных алтайцев и телеутов. Несмотря на то, что монгольский компонент постепенно растворился в тюркской среде алтайцев-телеутов даже в отношении языка, наличие его отразилось и в языке и в наимено-

<sup>12</sup> В 1936 г. я записал у кумандинцев по р. Бие предание, в котором говорится, что в ойратское время они жили на устье Чарыша, но с распространением русского населения в тех местах переселились в верховья Оби, т. е. в районы нижнего течения Катунь (до ее притока Маймы) и Бии.

вании отдельных алтайских и телеутских сеоков (родов), например: Чорос, Мержит, Ойрот, Дербет и др., и в различных элементах материальной и духовной культуры. Кроме того, нужно принять во внимание, что телеуты в период ойратского господства долгое время жили общей исторической жизнью и даже общим материальным бытом с западными монголами и составляли в Джунгарском или Ойратском государстве оток из четырех тысяч кибиток<sup>13</sup>.

Вот почему еще и теперь у бочатских телеутов нетрудно обнаружить монгольские элементы как в языке, фольклоре, так и в области материальной культуры, несмотря на то, что эти телеуты в настоящее время усвоили русский домашний быт. В этом отношении весьма показательна кое-где сохранившаяся у них старинная мужская и женская одежда, представляющая собой по некоторым наименованиям ее, а особенно по покрою, форме и виду типичную западномонгольскую одежду, бытовавшую широко до недавнего времени у волжских калмыков<sup>14</sup>. Стало быть, появление героического эпоса у шорцев относится к недавнему времени и является результатом участия телеутов в этногенезе шорцев. Отсюда становится понятным и такое любопытное обстоятельство, что некоторые шорские названия предметов в героических поэмах фигурируют в телеутской форме. Примером этого может служить название лыж для ходьбы по насту, не подбитых мехом, т. е. голиц. Такие лыжи в быту у шорцев носят название «калбрак», а в героическом эпосе называются по-телеутски «кангай». То же самое можно сказать о луке, который в шорских охотничьих рассказах и легендах называют «шам», также «коста», а в героических былинах по-телеутски и по-монгольски — «саадак».

Теперь скажем несколько слов о датировке шорских героических поэм, поскольку Н. П. Дыренкова обходит и этот вопрос. Эти произведения, как и большинство телеутских и алтайских героических былин, отражают период ойратского господства и, следовательно, должны быть датированы в рамках XV—XVIII вв. На это указывают, кроме отражения в них реальной социально-исторической обстановки периода господства западномонгольских ханов, о чем мы говорили выше, еще некоторые реальные исторические имена отдельных ханов, игравших видную роль в то время и известных нам по историческим документам (например, Альтын-хан — владетель Северной Монголии, Карахан и др.).

В заключение еще одно замечание по поводу наблюдения Н. П. Дыренковой о поразительном сходстве шорского героического эпоса, доходящем почти до полного тождества с героическим эпосом не только алтайских, но и хакаских племен. Причины этого поразительного сходства коренятся также в истории процесса этногенеза тюркских племен и их совместной исторической жизни в прошлом, отражением чего могут служить одноименные героические поэмы, одинаковые сюжеты и многие другие общие признаки эпических произведений тюркских кочевников, удаленных друг от друга в настоящее время огромными расстояниями. К таковым следует отнести, кроме былин хакаских и алтайских племен, былины барабинских татар, казахов, киргизов, узбеков, ногайцев. Однако рассмотрение этого вопроса мы находим целесообразным отнести к другой работе.

Л. Потанов

Проф. А. И. Ярхо, *Алтае-саянские тюрки*. Антропологический очерк. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Хакоблнзиздат. Абакан, 1947, 148 стр.

Работа А. И. Ярхо вышла в свет почти через 13 лет после смерти автора, который умер в очень молодом возрасте (1903—1935 гг.), в самом расцвете своей научной деятельности. Не успев реализовать многое из того, что было намечено им. Но то, что сделано А. И. Ярхо за немногие годы его научного творчества, представляет серьезный вклад в советскую антропологию, находит свое продолжение в работах его товарищей и последователей, знаменует собой очень важный этап в развитии советской антропологической науки. Основной областью научной деятельности А. И. Ярхо было расоведение; им впервые были сформулированы многие теоретические положения советского расоведения, разработаны многие методические принципы собирания и обработки антропологических материалов, которые легли в основу позднейших расоведческих работ; им собран огромный фактический материал по антропологии Советского Союза<sup>1</sup>.

13 лет, прошедших со времени написания книги, — большой срок в истории советской антропологии; за этот период много сделано как в части собирания новых материалов, так и в части их обобщений и теоретических построений. Тем более показательно, что рецензируемая книга не утратила своего научного значения и интереса и в настоящее время. Издание труда А. И. Ярхо является не только выполнением долга

<sup>13</sup> Иакинф (Бичурин), *Историческое обозрение ойратов*, СПб., 1839, стр. 132.

<sup>14</sup> Такая одежда имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии Акад. Наук и в Государственном музее этнографии в Ленинграде, а также в Краеведческом музее Горно-Алтайской автономной области.

<sup>1</sup> О деятельности А. И. Ярхо см. «Антропологический журнал», 1935, № 1.